

А.П. Медведев

**НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ВОСТОЧНОМ НЕКРОПОЛЕ
ФАНАГОРИИ (2005–2007 гг.)***

Современное антиковедение невозможно представить без классической археологии, ее выдающегося вклада в изучение не только отдельных сторон античной цивилизации, но и целых регионов Античного мира. К последним, в силу объективных причин, принадлежит далекая северо-восточная окраина античной ойкумены – Северное Причерноморье, история которого весьма фрагментарно отражена в античной литературной традиции и эпиграфике. Ежегодно археологические исследования руин греческих городов и некрополей существенно пополняют фонд источников по античной истории. Иногда они приоткрывают завесу над теми сторонами жизни греков, которые не привлекали внимания их историков и писателей, а то и просто были «табуированы». Это в первую очередь относится к материалам из раскопок античных некрополей. В статье излагаются некоторые результаты новейших раскопок Восточного некрополя античной Фанагории в 2005–2007 гг. Но вначале несколько слов об этом выдающемся памятнике «российской античности».

Фанагория – самый крупный античный город, оставшийся на территории России и поэтому доступный отечественным археологам для всестороннего изучения. Ее не случайно называют столицей Азиатского Боспора. В период наивысшего расцвета площадь города Фанагории, включая затопленную ныне морем северную часть, составляла свыше 60 га. С трех сторон – восточной, южной и западной – Фанагорию окружал древний некрополь по площади не менее чем в 10 раз больше чем сам город. Здесь совершались погребения на протяжении полутора тысячелетий. Фанагорийский некрополь – памятник очень сложный. Он включает в себя «Аллеи курганов» высотой до 10, а также обширные грунтовые могильники, разделенные балками и древними дорогами на несколько участков, условно названные археологами Западным, Южным и Восточным некрополями.

В 2005–2007 гг. исследование Восточного некрополя античной Фанагории проводил отряд Воронежского госуниверситета, работаю-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00343а.

ций в составе Таманской археологической экспедиции Института археологии РАН (начальник экспедиции В.Д. Кузнецов). Здесь уместно напомнить, что некрополь Фанагории изучался с середины XIX в. Его раскапывали К.К. Герц, И.Е. Забелин, В.Г. Тизенгаузен, А.П. Смирнов, В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, А.К. Коровина и другие именитые отечественные археологи. Поэтому вести раскопки этого памятника – дело весьма ответственное. Ответственное еще и потому, что, несмотря на то, что в фанагорийском некрополе раскопано свыше тысячи погребений, до сих пор мы о нем знаем очень мало, так как издания его материалов крайне немногочисленны и выборочны. По существу, исследователь может опереться лишь на краткие публикации результатов раскопок некрополя в 30–40 и 60-е годы прошлого века¹. Достаточно сказать, что до сих пор не опубликованы планы фанагорийских погребений и, как это ни удивительно – ни одного комплекса, лишь отдельные яркие вещи. Крайне неудовлетворительное состояние с публикациями богатейших фанагорийских материалов сказалось на итоговых работах и взглядах современных исследователей, особенно для римского и позднеантичного периодов истории Фанагории.

В центральной части Восточного некрополя в 2005–2007 гг. заложены два раскопа общей площадью 3994 м². Они удалены от восточной границы городища примерно на 1,5 км. Выбранный для раскопок участок представлял собой довольно ровное плато, тянущееся с юго-востока на северо-запад, местами волнистое от недавней плантажной вспашки. С севера его ограничивал склон, круто спускающийся к Таманскому заливу, с юга – неглубокая балка, по которой в древности проходила дорога из Фанагории в Кепы.

В процессе раскопок выявлена следующая стратиграфия исследуемой части Восточного некрополя. Под современной почвой на глубину 0,3–0,6 м залегал слабо гумусированный слой распашки серого цвета. В профилях бровок в нем хорошо были видны глубокие борозды, оставшиеся от плантажного плуга. Далее на глубину 1,4–2 м шел слой серо-коричневой супеси, ниже переходящей в желтый песок, а в северной части раскопов – в глину-белоглазку. В профилях бровок иногда удавалось проследить более светлое материковое заполнение могил и дромосов склепов. Мощность наслоений в Восточном некрополе составляла в среднем около 2 м. Захоронения залегали на глубине от 0,4 до 5 м от современной поверхности. В 2005 г. в восточной части раскопа встречены остатки двух полуземлянок и хозяйствственные ямы, свидетельствующие о том, что еще до начала использования это-

¹ Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19; Кобылина М.М. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // МИА. 1951. № 19; она же. Фанагория // МИА. 1956. № 57; Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 1956. № 57; Коровина А.К. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // СГМИИ. 1987. Вып. VIII.

го участка в качестве некрополя здесь находились какие-то бытовые комплексы классической эпохи. При этом постройка 1 с глинобитной печью и большой хозяйственной ямой явно была предназначена для стационарного проживания. Любопытно, что после прекращения ее использования в качестве жилища был совершен определенный ритуал. На ее полу обнаружены два перевернутых вверх дном красноглиняных кубка, при этом один из них был заполнен камешками. В раскопе 2006–2007 г., расположенному рядом с шестиметровым курганом, выявлен подстилающий слой темной гумусированной супеси, довольно сильно насыщенный фрагментами амфор V в. до н.э. (Протофасос, Хиос пухлогорлый и др.) при практически полном отсутствии прочих находок бытового характера. С ним, очевидно, связаны ямы и жертвенник 2007 г., содержащие тот же набор амфор, что и нижний слой на месте будущего некрополя². Назначение этих объектов неясно. Не исключено, что амфорный бой, жертвенник и ямы связаны с культовой практикой жителей ранней Фанагории V в. до н.э.

За три года работ на Восточном некрополе открыто 120 разновременных погребений, совершенных по обряду ингумации (кремации достоверно не встречены ни разу). По сравнению с другими участками фанагорийского некрополя плотность захоронений весьма невысока. Из них 26 определенно относились к эллинистической эпохе (III–I вв. до н.э.), 44 – к римской (I–III вв. н.э.), 24 – к позднеантичной (IV–V вв.). Кроме того, исследовано 8 конских захоронений, обнаружены тризыны, жертвенники, надгробья, а также кольцевой ровик, скорее всего, связанный с позднеантичными погребениями.

Эллинистические погребения. Первые захоронения появляются в исследованной части некрополя не ранее рубежа IV–III вв. до н.э. К ним относятся погребения 22 и 23, сопровождаемые унгвентариями с раздутым туловом III типа классификации М.Б. Парович-Пешикан³. Однако большинство захоронений эллинистического времени датируются II–I вв. до н.э. Как правило, они совершались в простых грунтовых могилах, реже ямах с заплечиками, еще реже в подбоях, закрытых черепичными закладами, в двух случаях – в каменных ящиках. При двух эллинистических погребениях находились каменные надгробия без рельефов. Два захоронения грудных детей были совершены в сосудах (одно – в косской амфоре, другое в большом красноглиняном кувшине). Ориентировка погребенных не устойчивая, примерно половина их лежит головой на восток, другая половина – головой на юго-запад. Сопровождающий инвентарь представлен веретенообразными унгвентариями, чернолаковыми и буролаковыми тарелками, лекана-

² Медведев А.П. Исследование Восточного некрополя Фанагории (2005–2007 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 140–143.

³ Парович-Пешикан М.Б. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 110. Рис. 94, 5–9.

ми, акварельными пеликами и кувшинами местного фанагорийского производства, а также украшениями (серьги, браслеты, перстни, бусы), очень редко зеркалами. В шести погребениях встречены серебряные и медные монеты пантиканейского чекана. В погребении 74 найден массивный бронзовый перстень с портретом Арсинои III.

Среди позднеэллинистических комплексов отметим находку пяти терракотов в погребении 98, совершенном в каменном ящике. Наиболее интересна терракотовая фигура № 4 «статичный всадник», выполненная в античной художественной манере, но, скорее всего, передающая облик местного конного варвара (рис. 1, 1). Он сидит в мягким седле, повернув голову в сторону зрителей. На его затылке что-то вроде шапки или башлыка, из-под которой выбиваются длинные волосы, достигающие плеч. Лицо круглое, плоское, безбородое. На всаднике одежда «сарматского» облика: короткий подпоясанный кафтан с треугольным вырезом на груди и облегающие ноги штаны-анаксириды, на ногах обувь типа мягких кожаных сапог-скификов. За спиной всадника видно что-то вроде прилегающего к телу плаща. Правая рука лежит на бедре, левой он держит поводья узды. Конь двигается слева направо. Он изображен весьма реалистично, хотя кажется довольно тяжеловатым, его голова опущена и чуть повернута вправо. Хорошо выделена грива и пышный хвост, опущенный вниз (возможно, закручен вправо). На шее и груди рельефно показаны ремни сбруи, на правой щеке отчетливо виден округлый налеп, видимо, изображающий фалар. Цвет поверхности терракоты оранжевый, ее высота 11,1 см.

Подобные терракотовые статуэтки хорошо известны в коропластике Боспора, но чаще это фигуры скачущих всадников⁴. Наиболее близкой аналогией нашему всаднику является терракота из «дома Хрисалиска», найденная около фависсы из сырцовых кирпичей в помещении II⁵. Видимо, она изготовлена в той же форме, что и терракота 2007 г., но отличается размытостью в передаче деталей, что объясняется большей изношенностью формы для ее отливки. «Дом Хрисалиска» содержал находки, датируемые, начиная с 20-х гг. II в. до конца I в. до н.э. включительно. С этой датировкой вполне согласуется дата погребения 98, сопровождаемого помимо названных терракотов сероглиняным веретенообразным унгвентарием V типа классификации М.Б. Парович-Пешикан. И.И. Марченко недавно предложил ограничить время их бытования серединой II – первой половиной I в. до н.э.⁶

⁴ Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантиканей // САИ. Г.1-11. М., 1974. С. 14. Табл. 46; Пругло В.И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура Античного мира. М., 1977. С. 177–182.

⁵ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 101–102. Рис. 58, 7.

⁶ Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 42.

Назначение таких терракотовых фигурок всадников, скорее всего, было связано со сферой религиозно-культовых представлений полиэтнического населения Боспора⁷. Образ «статичного всадника», видимо, восходит к исконным греческим образцам раннеэллинистической эпохи. Но со временем в Северо-Восточном Причерноморье он наполнился новым содержанием – хтонические эллинские всадники, изначально связанные с культом Посейдона Гиппия, столкнулись на Боспоре с солярными иранскими. Возможно, в этой находке мы имеем еще одно свидетельство проявления местного боспорского культа конного бога, связанного с религиозными традициями синдо-меотских или сарматских племен⁸.

Погребения раннеримского времени. Основная масса погребений раннеримского времени приходится на I в. н.э., хотя открыты комплексы II и III веков (последних меньше всего). Ведущие типы погребальных сооружений те же, что и ранее, но с I в. к ним добавляются еще и грунтовые склепы. В 2006–2007 гг. исследовано 10 склепов римского времени. Большинство из них концентрировалось в наиболее возвышенной части некрополя. Все склепы однокамерные, при этом дромос и камера всегда расположены на одной оси. Как правило, склепы римского времени имели мощные каменные заклады. В склепах I – начала II в. они сложены из специально заготовленных известняковых плит и блоков. Более поздние гробницы второй половины II и особенно III в. часто имели заклады из старых, вторично использованных рельефных надгробий и массивных архитектурных деталей⁹.

Камеры склепов римского времени обычно содержали останки 3–5 костяков (исключение: погребение 84 – останки не менее 10 человек, погребение 100 – не менее 8). Как правило, захоронения совершались в деревянных гробах или саркофагах (в склепе погребения 101 – в кипарисовом саркофаге), при этом в двух случаях они были украшены фигурными гипсовыми прилепами. Погребенные этого времени чаще всего уложены головой на юг, в склепах – всегда в сторону дромоса. Однако со второй половины II – начала III вв. н.э. в Восточном некрополе получает распространение противоположная северная ориентировка. Укажем, что, начиная с I в. н.э., в Восточном некрополе появляются такие обрядовые особенности, как положение кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голенях но-

⁷ Пругло В.И. Указ. соч. С. 180

⁸ Крыкин С.М. Новые терракоты всадников из Фанагории // КСИА. 1987. № 191. С. 57–59. Рис. 1, 1–2.

⁹ Еще более радикальный разрыв с эллинскими традициями начала н.э. демонстрирует находка в одном из фанагорийских грунтовых склепов перевернутого вверх ногами боспорского надгробия с изображением скачущих всадников, использованного в качестве заклада (раскопки Н.И. Сударева 2003 г.).

ги, обычно связываемые с сарматской или меотской погребальной традицией.

Несмотря на очень сильное ограбление, сопровождающий инвентарь погребений римского времени более богат и разнообразен, нежели в предшествующую эллинистическую эпоху. Это различные типы местной круговой красноглиняной и сероглиняной посуды, реже привозной краснолаковой керамики, а также стеклянные сосуды (кувшинчины, кубки, тарелки, чаши, бальзамарии), светильники, как правило, местного производства и очень редко краснолаковые, украшения, фибулы, монеты, терракоты (рис. 1, 5). Отметим, что с I в. среди погребального инвентаря начинают встречаться сероглиняные сосуды с зооморфными ручками, в том числе, изготовленные на гончарном круге (рис. 1, 4). В склепе погребения 84 находился золотой медальон с рельефным изображением богини, типа найденного в Артюховском кургане¹⁰, а также небольшой золотой жетон с гравированным изображением мужского божества. Его гермообразная фигурка передана весьма схематично – лицо круглое, волосы намечены точечными вдавлениями, напоминающими лучи, признаки пола подчеркнуты¹¹.

В склепах римского времени найдено около двух десятков терракотов. Помимо обычных изображений эллинских женских божеств и персонажей встречены две статуэтки, заслуживающие особого внимания. В погребении 100, датируемом I в., находилась терракота с изображением скачущего всадника (рис. 1, 2). Терракота изготовлена в сильно изношенной форме, поэтому многие черты изображения и детали стерты, ее поверхность ярко-оранжевого цвета. Голова безбородого всадника в высоком остроконечном убore – то ли колпаке, то ли в шлеме с гребнем. Черты его лица практически не различимы. На нем облегающая куртка с еле заметным треугольным вырезом на груди. Правая рука, согнутая в локте и поднятая вверх, вероятно, сжимала копье, левая не видна. За спиной всадника виден плащ и большой круглый выпуклый щит. Его лошадь несется галопом, хвост изображен прямым. Голова лошади прижата к шее, ее лоб и нос переданы с характерным уплощенным прогибом. Высота терракоты 14 см. Терракоты с изображением скачущих всадников неоднократно встречались в Пантике¹², на сельских некрополях Европейского Боспора¹³, в Фанагории, в том числе – в Восточном некрополе¹⁴, на поселе-

¹⁰ Максимова М.И. Артюховский курган. А., 1979. Рис. 20.

¹¹ Медведев А.П. Классическая археология в Воронежском университете (прошлое и настоящее) // Вестник ВГУ. Серия история, политология, социология. 2007. С. 43. Вып. 2. Рис. 3, а.

¹² Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Подонье и Таманский полуостров // САИ. Г1-11. М., 1974. С. 27. Табл. 29, 2.

¹³ Винокуров Н.И. Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. // Античный мир и варвары на Юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор. Запорожье, 2007. С. 377–379. Рис. 54, 1–2.

¹⁴ ГМИИ. Инв. Ф.805. Р. 1964 – Восточный некрополь, могила 99.

нии «За Родину»¹⁵, в «доме Хрисалиска»¹⁶. Тип галопирующего всадника с поднятой для удара правой рукой хорошо представлен в коропластике Боспора со II в. до н.э. и существовал до рубежа II–III вв. н.э. По стилю изображения статуэтка, найденная в погребении 100/1, наиболее близка фигуре скачущего охотника из Пантиканея I в. н.э.¹⁷, но отличается от нее, как, впрочем, и от всех других, наличием большого круглого щита за спиной всадника. Поэтому вряд ли здесь была изображена обычная для подобных терракотов сцена «конной охоты». Судя по тому, что нижняя отбитая часть занимала не менее половины статуэтки, под лошадью могло иметься какое-то иное, более крупное изображение, возможно, повергнутого на землю противника. В фигурах «скачущих всадников» предлагают видеть сарматскую ипостась конного героя¹⁸. Однако против такой интерпретации всадника из погребения 100/1, на наш взгляд, свидетельствует наличие у него большого круглого щита за спиной – защитного вооружения, несвойственного сарматам начала н.э. (Tac. *Hist.* I. 79. 3–4; Germ. 46).

Среди набора терракотовых фигурок из ниши в погребении 104 обращает на себя внимание статуэтка «воин со щитом». Юноша в башлыке с длинными, достигающими плеч волосами одет в короткий, распахнутый снизу кафтан, на его спину накинут длинный плащ. Его обнаженные ноги скрещены. Левая рука закрыта большим щитом овальной формы с вертикальным скрепляющим ребром. Это так называемый θυρεός, составлявший основное защитное вооружение галлов. В центре щита имеется эмблема в виде распластанной фигуры животного. В произведениях греческого искусства такой щит символизировал галатов¹⁹. Обращает на себя внимание довольно поздняя датировка погребений яруса 2, с которым связан комплекс терракотов – не ранее второй половины II в. н.э.

В некрополе римского времени гораздо чаще, чем в предшествующую эпоху, встречались каменные надгробия: плоские, иногда с орнаментом, нанесенным красной или голубой краской, рельефные, антропоморфные. Кратко опишем наиболее интересные из них.

В погребении 71 найдено двухярусное рельефное надгробие (частично фрагментировано)²⁰. Оно было вторично использовано в качестве заклада камеры склепа первой половины III в. Надгробие принадлежит одному из самых известных типов боспорских надгробных стел.

¹⁵ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. Табл. XLVII, 38.

¹⁶ Сокольский Н.И. Указ. соч. С. 105. Рис. 58, 3.

¹⁷ Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантиканей. САИ. Г.1–11. М., 1974. С. 34–35. Табл. 46, 2.

¹⁸ Крыкин С.М. Указ. соч. С. 59.

¹⁹ Пругло В.И. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура Античного мира. М., 1966. С. 208.

²⁰ Фанагория. По материалам Таманской археологической экспедиции Института археологии РАН. М., 2008. Рис. на С. 35 внизу.

Верхний, наиболее пострадавший ярус – усопший возлежит на ложе с кубком в левой руке, перед ним – столик с яствами, в его ногах восседает на кресле женщина, сзади внизу – маленькая фигурка стоящего слуги. Это один из наиболее распространенных сюжетов собственно элинских надгробий. Не имея здесь возможности подробно остановиться на семантике этого известного сюжета²¹, напомним лишь одну из элегий Феогнида, где воспевался умерший, возлежащий за пиршественным столом²². Нижний ярус – в центре всадник в «сарматском» одеянии с большим горитом на поясе, перед ним стоит пеший слуга с кубком в руке, сзади изображение второго всадника (рис. 1, 3). Этот сюжет очень часто встречается на боспорских надгробиях, в том числе двухярусных²³. Считается, что подобные боспорские надгробия с изображением всадников воплощают старую элинскую традицию героизации умерших²⁴. С другой стороны, давно установлено, что представление о боге или герое как всаднике получает широкое распространение в религии тех народов, у которых в реальной жизни всадниками были, прежде всего, представители аристократии, обладавшей властью. Видимо, именно такой была аристократия и на Боспоре, которая в первые века н.э. не без влияния сарматов приобрела выраженный всаднический характер²⁵. Может быть, надгробия с изображениями всадников маркировали погребения лишь определенной части боспорской аристократии, а именно аспургиан (букв. «имеющих мощных коней»). Подобные надгробные рельефы наглядно «воскрешали» все величие личности усопшего, в данном случае – знатного фанагорийского всадника, а значит и его рода²⁶. Здесь он представлен в двух основных ипостасях героизации: как воин-всадник и как счастливо пирующий в загробной обители героев²⁷. Таким способом именитые умершие надолго становились частью «настоящего», особенно если вспомнить, что рядом с некрополем проходила весьма оживленная дорога из Фанагории в Кепы.

Два рядом лежащих известняковых рельефных надгробия (мужское и женское) найдены вне комплексов в северо-западной части раскопа 2007 г. Мужское надгробие высечено из известняковой плиты, ее поверхность желтоватого цвета (рис. 2, 1). Отметим, что верх-

²¹ Из последних работ см.: Диатроптов П.Д. Изображения всадников в античном Северном Причерноморье // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С. 80–81.

²² Феогнид. Любовь к мудрости // Феогнид из Мегар. Элегии. Пг., 1922. С. 67.

²³ Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 135–139.

²⁴ Даевыдова Л.И. К вопросу о так называемой «сцене загробной трапезы» на боспорских надгробиях из собрания Эрмитажа // СГЭ. 1979. Т. 44. С. 46–49.

²⁵ Диатроптов П.Д. Указ. соч. С. 86.

²⁶ Grönbech V. Hellas. Hamburg. 1965. S. 78.

²⁷ Диатроптов П.Д. Указ. соч. С. 81.

няя часть плиты оформлена в виде фронтона, под ним край глубокого рельефа сильно скошен, а верх боковых сторон оформлен в виде капителей. Рельеф передает сцену загробной трапезы. Героизированный усопший возлежит на ложе, изголовье которого украшено протомой льва. Левой рукой он подпирает голову, правой опирается на ложе. Перед ним расположен трехногий столик, на нем стоит кубок. Внизу справа находится схематично вырезанная фигурка слуги, который протягивает господину сосуд. Это надгробие принадлежит второй группе боспорских надгробных рельефов с изображением сцены загробной трапезы²⁸.

На втором, также довольно глубоком рельефе, высечена фигура женщины в траурной позе, сидящей в кресле, повернутом влево (рис. 2, 2). Она изображена в трехчетвертном повороте, верхняя часть туловища и голова анфас, нижняя в профиль. На голове усопшей покрывало, из-под которого видны волосы. Лицо удлиненно-овальное, хорошо выделены брови и глаза, тонкие губы и нос. Шея открыта. На женщине длинный хитон и гиматий, на груди имеется треугольный вырез. Правая рука поднесена к плечу и поддерживает покрывало, левая рука – согнута, ее ладонь сложена на животе. Складки одежды переданы четкими, довольно глубокими бороздками. Сквозь складки ткани подола просматривается обувь. Ноги женщины покоятся на прямоугольной подставке. Между левым подлокотником кресла видны две подушки. У ног женщины схематично вырезано изображение служанки, несущей в руках сосуд типа урны или шкатулки. Нижняя часть ее туловища передана в профиль, верхняя анфас. Видна лишь правая рука, согнутая в локте и поддерживающая сосуд. Третий, мужской персонаж находится в верхнем левом углу рельефа. Он изображен крайне схематично. Видно лишь, что его правая рука согнута в локте и поднесена к плечу. Левой рукой он приподнял подол довольно короткого одеяния, едва достигающего колен. На ногах видна закрытая обувь. Надгробие близко четвертой группе боспорских рельефов с изображением героизированной умершей женщины²⁹.

Из заклада склепа погребения 72 2006 г. происходит хорошо сохранившееся надгробие со сценой прощания (рис. 2, 3). Его верхняя часть оформлена в виде фронтона. Справа сидящая на кресле женщина в позе печали, у ее кресла стоит маленькая фигурка слуги, держащего сосуд. Слева – стоящий длинноволосый юноша в короткой куртке, опирающийся локтем правой руки на колонку, его левая ладонь лежит на плоском верху той же колонки. Рельеф принадлежит

²⁸ Матковская Т.А. Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н.э. // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 116, 132–135.

²⁹ Матковская Т.А. Указ. соч. С. 116, 121–126. Практически идентичный рельеф был открыт в Восточном некрополе Фанагории в 2003 г. (раскопки Н.И. Сударева).

одному из наиболее распространенных типов боспорских надгробий раннеримского времени.

В заполнении камеры склепа погребения 80 обнаружена голова от скульптурного надгробия, высеченного из желтоватого керченского известняка (рис. 2, 5). Несмотря на довольно сильную эрозию, скульптура явно передавала индивидуальные портретные черты пожилого мужчины. В связи с этим не лишне отметить, что это единственный, из исследованных нами, склеп, где среди инвентаря основного мужского захоронения I в. найдены предметы вооружения: фрагментированный железный меч с кольцевым навершием среднесарматского типа и трехлопастные черешковые наконечники стрел. Представляется, что эти находки хорошо согласуются с весьма суровыми чертами лица усопшего фанагорийца, запечатленного на его скульптурном надгробии.

Завершая обзор антропоморфных каменных надгробий Восточного некрополя, следует упомянуть интересную находку антропоморфного женского надгробия (рис. 2, 4), которое было вторично использовано в качестве перекрытия детского погребения 87, совершенного в I в. Надгробие изготовлено из керченского известняка белого цвета, но его поверхность от времени приобрела сероватый оттенок. Сохранность изваяния удивительная, лишь нос и нижняя часть щек частично изъедены эрозией. Скульптура передает образ женщины зрелого возраста. Лицо овальное, его черты довольно грубые. Глаза крупные, миндалевидной формы, в глубоких глазных впадинах. Щеки одутловатые, заметно ввалившиеся вокруг рта, подбородок массивный. Надо лбом видны два округлых выступа – завитки волос или украшения. На голове покрывало, прикрывавшее не только плечи, но и руки до кистей. Шея женщины обнажена, ниже глубоким рельефом обозначен треугольный вырез верхней одежды. В нем глубокой горизонтальной полосой показан верх нижнего платья, а семью вертикальными бороздками – его складки. Правая рука покоятся на груди и придерживает край покрывала. Кисть руки крупная, левая рука сжимает плод яблока или граната. Под ним вырезаны складки одежды. В нижней части фигуры тремя косыми дугообразными бороздками переданы волнистые складки верхнего платья. В передаче черт лица женщины заметны отличия от канонов типично греческих женских изваяний, в частности, бросающаяся в глаза широколикость. На это специально обратила внимание антрополог М.В. Добровольская, имевшая возможность в 2007 г. сравнить данный антропологический тип с классическими боспорскими греческими надгробиями (рис. 2, 2). Надгробие принадлежит типичным образцам так называемой синдской скульптуры³⁰. По иконографии ему наиболее близка скульп-

³⁰ Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // Культура античного мира. М., 1966. С. 243–258; он же. Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.

тура I в. н.э. с Ахтанизовского лимана, отнесенная Н.И. Сокольским к третьей группе³¹.

Позднеантичные погребения. В 2005 г. исследован участок некрополя, где абсолютно преобладали позднеантичные погребения³². Большинство из них концентрировались вокруг кольцевого ровика, открытого в северо-западной части раскопа. Ровик имел вид правильного кольца диаметром 14–15 м с заполнением из супеси ярко-желтоватого цвета. На уровне зачистки материка его ширина составляла 0,4–0,55 м. Дно ровика, в разрезе корытообразное, залегало на глубине около 2 м от современной поверхности. В его заполнении изредка встречались фрагменты керамики и кости животных, скорее всего, попавшие из слоя. Внутри площади, ограниченной ровиком, погребений или каких-либо других объектов обнаружено не было. Одни располагались вокруг него, некоторые находились непосредственно у внешнего края ровика, а иногда его перекрывали. Складывается впечатление, что большинство захоронений позднеантичной эпохи оказались вокруг кольцевого рва не случайно, они как-то были с ним связаны. Скорее всего, ровик, а точнее объект, оставивший его, еще был заметен к моменту совершения поздних захоронений, о чем прямо свидетельствуют факты его перекрывания могильными ямами. Подобных сооружений на Северном Кавказе и в Причерноморье нам неизвестно. Фанагорийский ровик существенно отличался от «кругов», открытых на некрополе Илурата, выложенных из камней³³. Определенные аналогии ему обнаруживаются так называемые Kreisgräben из некрополей V в. по берегам Верхней Эльбы³⁴. Весьма существенно то, что и там внутри ровиков-кругов захоронений людей не оказалось.

Большинство погребений позднеантичного времени совершено в узких грунтовых ямах, пять в склепах, три в подбоях. Все позднеантичные склепы имели заклады из сырцовых кирпичей плохого качества с включениями фрагментов керамики, мелких костей животных и рыб (рис. 3, а). В это время умерших хоронили вытянуто на спине, головой всегда на ССЗ. Неоднократно отмечены случаи положения кисти руки на нижнюю часть живота и перекрещенные в голенях ноги.

Инвентарь большинства погребений довольно беден. Обычно он представлен сероглиняными лощеными кувшинами и бронзовыми, реже железными пряжками с массивными хоботковидными язычками, загнутыми за край рамки. В склепе погребения 34 встречен набор

С. 187–198; Круглов А.В. Заметки о синдской скульптуре // Таманская старина. СПб., 2001. Вып. 1. С. 71–79.

³¹ Сокольский Н.И. Синдская скульптура // Античное общество. М., 1967. С. 196–198. Рис. 3.

³² Медведев А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // БФ. 2007. Т. 1. С. 224–226.

³³ Хришановский В.А. «Башни», «круги», «святилища»... // БФ. 1999.

³⁴ Schmidt B. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle; Saale, 1961. S. 72–73. Abb. 32.

из шести пряжек, в том числе одной инкрустированной в стиле клуазонне (рис. 3, б). Вместе с ними найден распределитель ремней от обуви, массивный железный наконечник копья (рис. 3, в), стакан с каплями синего стекла типа I B-б по классификации Н.П. Сорокиной (рис. 3, г), а также краснолаковая мисочка (рис. 3, д). В погребении 17/2 найдена римская фибула Келлер 2 А/В, а в склепе погребения 30 – три бронзовых фибулы (две двухпластинчатые и еще одна прогнутая подвязная). Последний комплекс наряду с позднеантичными (склеп, деревянный гроб) и сармато-аланскими признаками (бронзовое зеркало типа Чми-Бригетио, лощеный кувшин, мел) имеет явные черты восточногерманской культурной традиции эпохи Великого переселения народов (пара двухпластинчатых фибул на груди).

Подбойные позднеантичные погребения имели входные шахты правильной удлиненно-прямоугольной формы с погребальными камерами как с восточной, так и с западной стороны. Их инвентарь заметно богаче, чем в простых грунтовых ямах – в двух подбоях встречены золотые украшения. Особый интерес вызывает погребение 39 (рис. 4, а). В нем на дне подбоя было совершено захоронение мужчины 45–50 лет на спине, вытянуто, головой на север с небольшим отклонением к З. Обращает на себя внимание заметная кривизна бедренных костей, скорее всего, от частой верховой езды. В изголовье стоял сероглиняный одноручный кувшин с приземистым биконическим туловом и коротким растробовидным горлом, покрытый пролощенным орнаментом (рис. 4, б). На шее найдено золотое украшение ворота одежды (рис. 4, в). Оно состояло из золотых круглых подвесок, украшенных по краю выпуклым точечным орнаментом вокруг знака в виде волюты, рубчатых трубочек и ромбических пронизок в виде маленьких коробочек с двумя сквозными отверстиями, которые служили для продевания нитей. Наборы украшений, составленные из точно таких же золотых деталей, известны в погребениях начала эпохи Великого переселения народов в Танаисе, Крыму, Северном Причерноморье, на Верхнем Дунае, в Галлии и Южной Испании³⁵. Повидимому, фанагорийская находка на сегодняшний день является самой восточной. Скорее всего, этот тип украшений маркируют маршрут миграции алан на запад в самом начале V в. н.э.

Большинство позднеантичных погребений датируются ступенью D1, реже D2 среднеевропейской системы хронологии, то есть концом IV – первой половиной V в.³⁶ Ни одного более позднего комплекса в

³⁵ Maczyńska M. La question de l' origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. Aix-en-Provence, 2005. P. 247–255.

³⁶ Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997. S. 32. Abb. 17, 11–15.

раскопе 2005 г. не оказалось. В это время наряду с сохранением греческих погребальных традиций в их боспорском варианте в Фанагорию приходит обрядность, во многом свойственная разноэтничному варварскому миру Причерноморья эпохи Великого переселения народов. Обращает на себя внимание обилие сармато-аланских элементов в культуре фанагорийского населения, совершившего захоронения в этой части некрополя. Особенно интересна серия сероглиняных лощенных кувшинов с зооморфным оформлением ручек или полыми носиками-сливами (рис. 5). Такая посуда явно доминирует над красноглиняной и краснолаковой керамикой, сохраняющей античные керамические традиции. В тоже время следует отметить, что в некрополе Фанагории не встречено ни одной Т-образной катакомбы, характерной для центральнокавказских алан и алан-танайтов Нижнего Дона IV в. до н.э.³⁷ Хотя большинство раскопанных захоронений датируется раннегуннским временем, никаких специфически гуннских элементов в их инвентаре или обряде не выявлено. По археологическим материалам в составе населения Фанагории, по крайней мере, до середины V в. гуннов, видимо, еще не было³⁸.

Складывается впечатление, что на исследованном в 2005 г. участке Восточного некрополя в конце IV – первой половине V в. погребали людей, которые по своей материальной культуре и обрядности скорее были уже варварами, нежели греками. Не исключено, что в своей основе это были потомки тех самых «греко-сарматов», которых упомянул в своем хронографическом сочинении христианский епископ Ипполит Портский (*Lib. gen. 34*). Но это уже тема другого исследования³⁹. Массовый материал из раскопок Восточного некрополя Фанагории 2005 г. не подтверждает однозначно и концепцию культурного континуитета античного и ранне-средневекового Боспора, по крайней мере, для его Азиатской части.

A.P. Medvedev

NEW DISCOVERIES IN THE EASTERN NECROPOLIS OF PHANAGORIA (2005–2007)

The article presents the results of the latest excavations in the Eastern necropolis of ancient Phanagoria. They were performed in 2005–2007 by archaeologists of the Voronezh State University, who worked as a part

³⁷ Безуглов С.И. Аланы-танайты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 80–87.

³⁸ Иное мнение см.: Яйленко В.П. Гунно-болгары II–V вв. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // ДБ. 2003. Вып. 5. С. 325.

³⁹ Медведев А.П. О греко-сарматах позднеантичной Фанагории // Нижневолжский археологический вестник. 2009. Вып. 10.

of the Taman archaeological expedition of Institute of archaeology of the Russian academy of sciences. In the central part of the Eastern necropolis two pits were dug with the total area of 3994 m². For three years of work we have discovered 120 burials belonging to different ages: 26 hellenistic (3–1st centuries BC), 44 Roman (1-3rd centuries AD), and 24 late ancient ones (4–5th centuries AD). People were buried in burial constructions of various types: in ground graves, pits with undercuts, catacombs, stone boxes, ground vaults, and rare children burials – in amphorae and jars. We have taken a rich collection of artifacts. The most interesting among them are stone tomb reliefs depicting farewell scenes, a sepulchral feast, «Bosporian horsemen». In one of the burials a so-called «Sindic sculpture» was found. Among the accompanying goods we should mention a series of terracotta figurines, especially those depicting horsemen and a dismounted warrior. We have discovered a necropolis of the Great migration age (stages D1-D2), containing burials with the pronounced barbarian features. Excavations of the Eastern necropolis of Phanagoria allowed us to lighten some sides of spiritual life and material culture of multiethnic population of late ancient Phanagoria, which had been previously unknown.

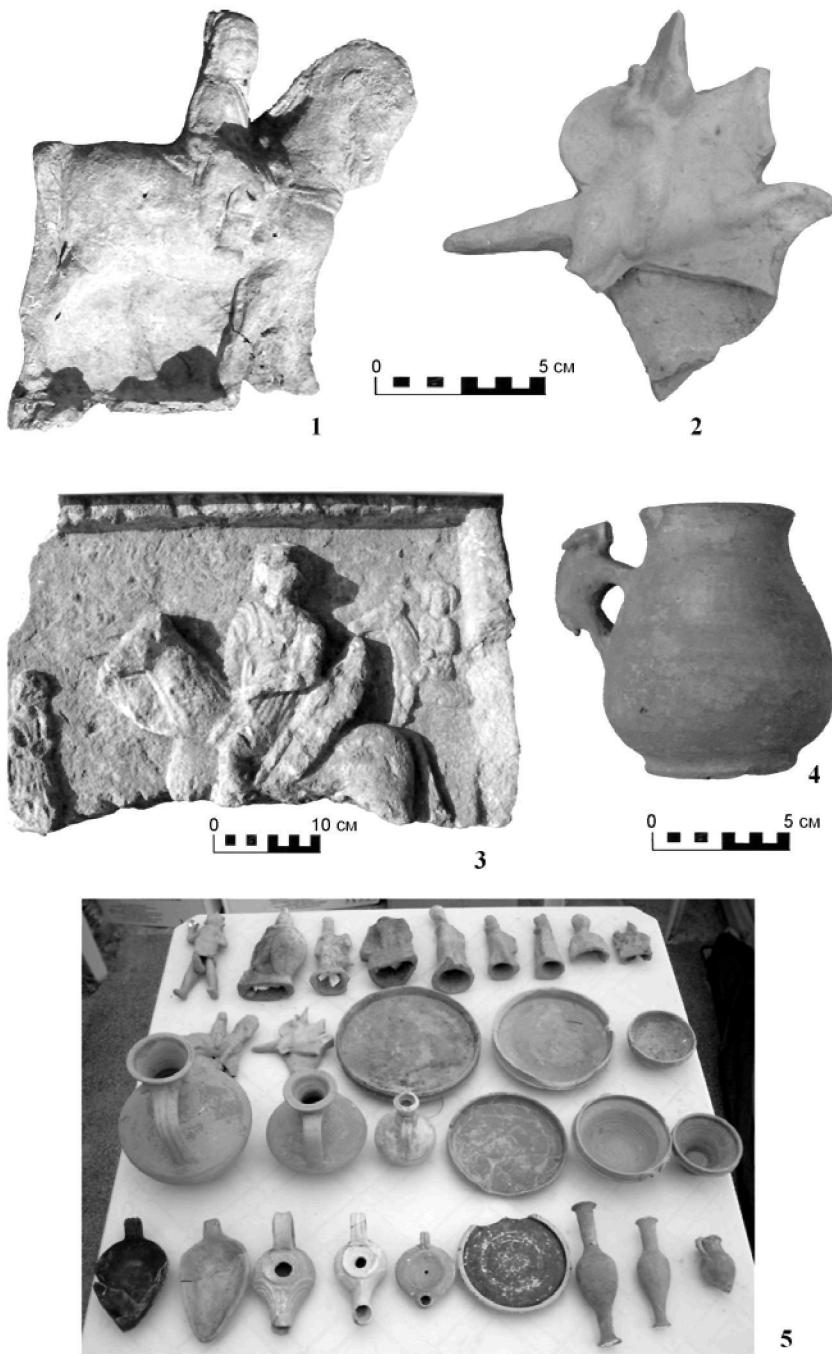

Рис. 1. Найдки из погребений Восточного некрополя Фанагории:
 1 – погребение 98; 2 – погребение 100;
 3 – погребение 71; 4 – погребение 46;
 5 – керамический инвентарь из разных погребений 2007 г.

Рис. 2. Рельефные и антропоморфные надгробия из погребений Восточного некрополя Фанагории: 1–2 – северо-западный участок раскопа 2007 г.; 3 – погребение 72; 4 – погребение 87; 5 – погребение 80

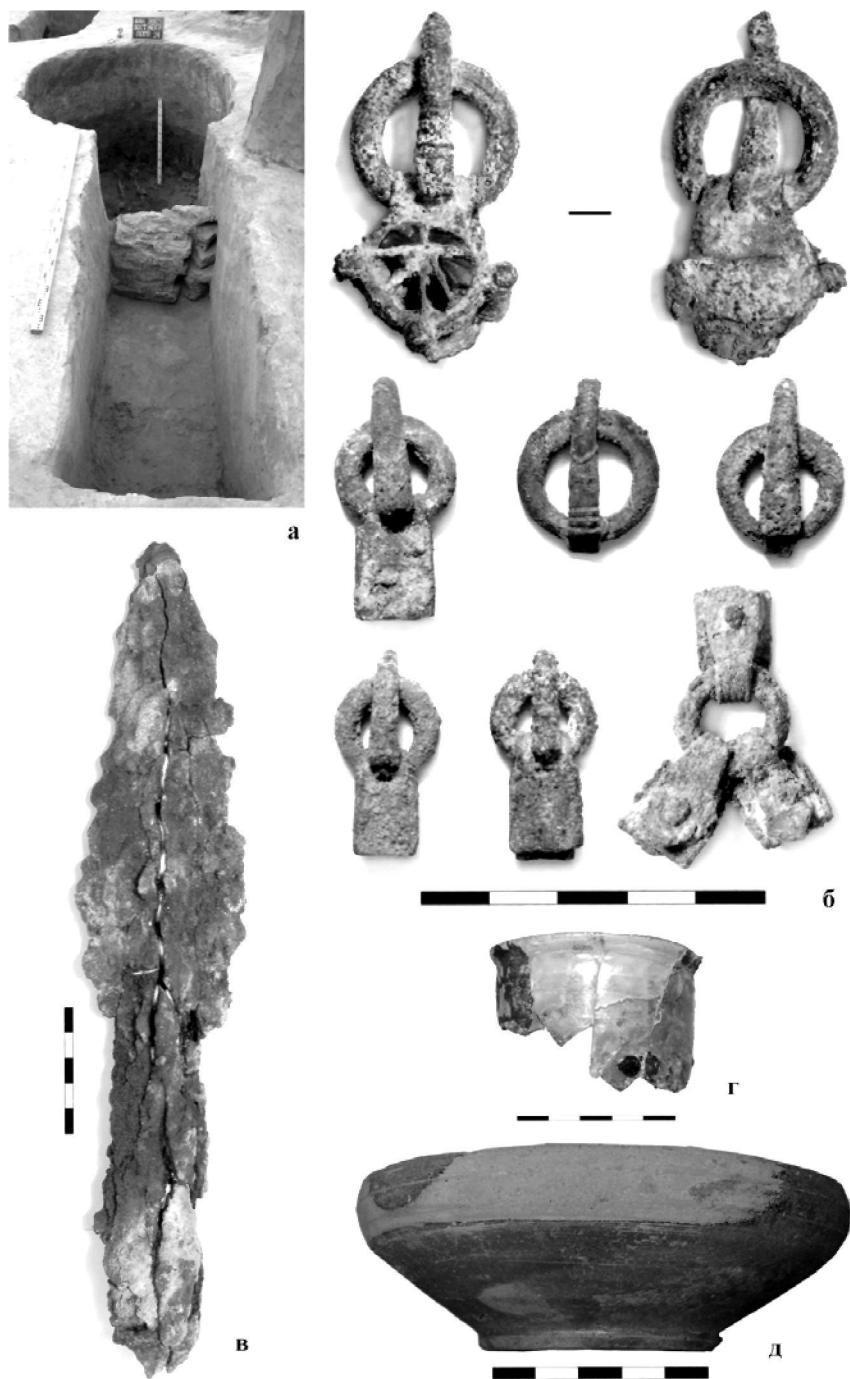

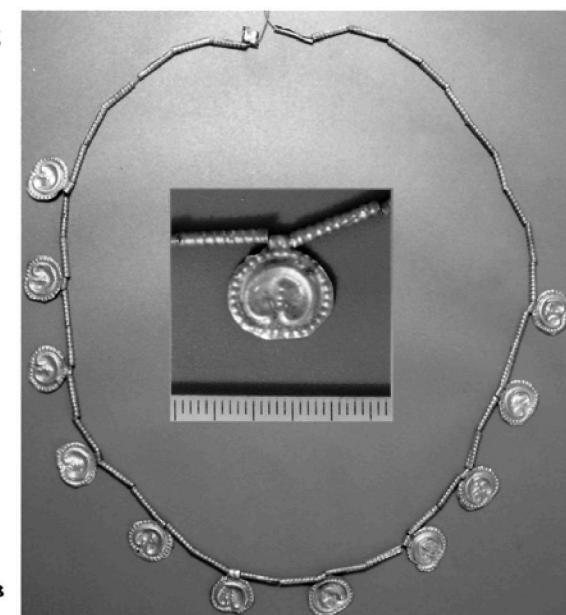
Рис. 3. Позднеантичное погребение 34 2005 г.:
а – план; б-д – инвентарь

a

0 5 CM

b

Рис. 4. Позднеантичное погребение 39 2005 г.:
а – общий вид; б – лощеный кувшин; в – золотое украшение

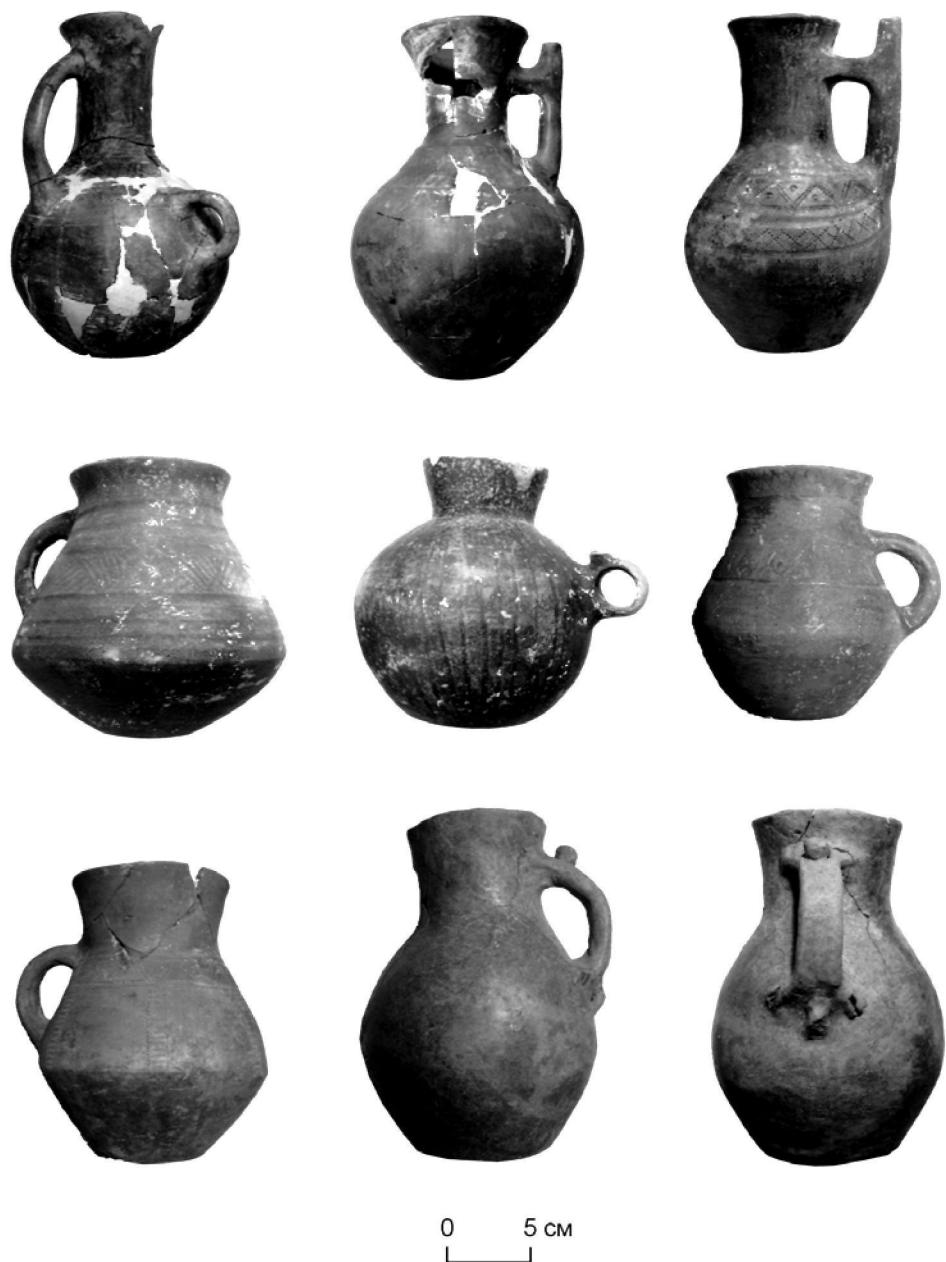

Рис. 5. Лощеные кувшины
из погребений позднеантичного времени